

О драме г. Писемского "Горькая судьбина"

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Сост., вступит, статья и коммент. А. С. Курилова. – М.: Современник, 1981. (Б-ка "Любителям российской словесности").

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Трудно себе представить более неприятное и даже оскорбительное впечатление, какое овладевает при чтении этой драмы. В драме выведено весьма нравственное лицо, крестьянин Ананий... Отчего же бы, кажется, возмущаться? Кажется бы, – напротив! Но противоречие заключается в самом художественном изображении этого лица, в той полной неискренности, с какою это нравственное лицо представлено, в том глубоком отсутствии внутреннего сочувствия, в том совершенно внешнем отношении, в какое стал к нему художник. В этой драме г. Писемский показывает публике русского крестьянина высокой нравственности. Неправда, отсюда истекающая на каждом шагу, – мутит душу. Нам невольно вспоминаются и поводильщики медведей, и показывальщики райков, и содержатели великанов и альбиносов {1}. Как будто слышишь такую речь:

"Вот, господа, дикий человек, русский крестьянин, мужик Ананий, – сел не в свои сани. В Питере купцом быть захотел, в столичном просвещении понаторел, а все ухватки мужицкие имел. А как есть, он мужик торговый, бык здоровый, нрав суровый. (Повернись-ка, Ананий! Видите, господа, какой плотный, а смотрит как дико; борода рыжая.) – А все же он мужик честный, всем известный. И в Питере был, да бога не забыл. (Покажи-ка, Ананий, как ты крестишься. Видите, господа: как и все православные крестятся.) – А и приехав в деревню свою далекую, нашел он себе обиду жестокою. А и хотел бы не мстить-простить, да люди добрые не дали. А и тот Ананий сердца не сдержал, вконец осерчал, жену избил и в сердцах ребенка убил. (Покажи-ка, Ананий, как ты серчаешь. Видите, господа, как он серчает, и зенки выворачивает.) – А все же он, дикий человек, русский крестьянин, – все же он христианин. Укрываясь от людей, душою измаялся, в грехе своем покался. Сам людям объявился, в суд пришел – повинился. Себя одного виноватым поставил, всех лютых злодеев своих оправил. Никому боле не мстил, врагов своих простил. (Ну, покажи, Ананий, как ты врагов своих прощаешь. Видите, господа, как он врагов прощает: рукой машет и на лице чувство.) – Будет, господа! Штука кончена".

Вот какого рода впечатление произвела на нас "Горькая судьбина" г. Писемского. Да, горькая судьбина русского крестьянина быть так выводимому напоказ, с такою полною несправедливостью изображения. Он, впрочем, и не поддается такого сорта авторам; в руках их не крестьянин, а один только вид его: кафтан, борода, поговорки; но крестьянина самого – здесь нет. – Что же, разве не прощает врагов своих русский крестьянин? Прощает, как мы не смеем простить; но зато мы часто доставляем ему к тому случай, мы упражняем в нем эту высокую добродетель. – Разве русский крестьянин – не нравственное лицо? Самое нравственное во всем мире. – Отчего же мы говорим, что его здесь (в "Горькой судьбине" г. Писемского) нет? Оттого, что нет правды в изображении. Сказать-то нравственное слово немудрено, как скоро язык произносит членораздельные звуки. Но этого еще мало: надо, чтоб была душа слова, чтоб была художественная правда. Здесь этого нет, и Ананий есть натянутая, безучастная фраза, которая тем неприятнее, что сказана о нравственности русского крестьянина. – Мы не вдаемся в подробности, в разбор того, что ни одно лицо в этой "Горькой судьбине" даже непохоже на лицо естественное. Вероятно, иные читатели сами это увидят.

Нет, кажется, лица с нравственным элементом не удаются г. Писемскому. Калиновичи – другое дело. Калинович – это Дон Карлос г. Писемского {2}. Но зато, при таком Дон Карлосе, нет сил изобразить сколько-нибудь нравственное лицо, и всего менее – русского крестьянина.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Русская беседа", 1860, т. 7, кн. 19, Смесь, с. 117-118.

1 Раёк – театр последовательно передвигавшихся, нарисованных на бумажной ленте картинок с соответствующим, часто стихотворным, текстом, преимущественно сатирического характера. Содержатели великанов – так К.